

У. Д. СНОДГРАСС

Стихи разных лет

Перевод с английского Владимира Корнилова *

Уильям Снодграсс печатается редко: за тридцать с лишним лет литературной деятельности — всего несколько сборников и отдельных циклов, опубликованных в периодике, да книга переводов из Кристиана Моргенштерна, немецкого поэта начала нашего века. «Избранное» Снодграсса, появившееся в 1987 году, фактически оказалось почти полным собранием всего им написанного. Перед нами тот нечастый случай, когда у поэта действительно не бывает необязательных стихотворений и даже случайных строк.

Он и начал поздно, в середине 50-х годов. За плечами Снодграсса была война, полтора года на флоте. Об этом сложно догадаться, читая его ранние стихи. Там нет примет текущей истории — только личное, интимно пережитое. Снодграсс издал эти стихи книжкой, озаглавив ее «Игла в сердце». Ирландская поговорка утверждает, что иглой в сердце остается для отца дочь, когда она единственный ребенок. Брак Снодграсса распался, свою дочь он видел лишь от случая к случаю, а его поэзия становилась чем-то вроде послания ей: исповедью, покаянием, наставлением.

Книга вышла в 1959 году, Снодграссу было тридцать три — возраст не для дебютанта. Тем удивительнее, с каким энтузиазмом встретили этот сборник, удостоившийся Пулицеровской премии, высшей литературной награды в США. Джон Берримен, тогдашний бесспорный авторитет, писал, что Снодграсс — истинная надежда американской поэзии. Роберт Лоуэлл, у которого Снодграсс после войны учился в университете Айовы, предрек ему будущее первого поэта своего поколения. А сам Снодграсс замолчал, и надолго. Следующий его сборник «После опыта» вышел лишь восемь лет спустя.

Впоследствии Снодграсс признался в интервью, что был просто подавлен своим успехом, не считая его заслуженным. Тут дело не только в авторской скромности. «Игла в сердце» — книга, привлекавшая лирической насыщенностью, и строгостью

---

* У. Д. СНОДГРАСС — Стихи разных лет (*Перевод с английского Владимира Корнилова. Вступление А. Зверева*) // *Иностранная литература*, 1990, № 1, 77–84. Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009. <http://imwerden.de>

формы, и богатством поэтического языка, не принесла полного удовлетворения поэту, оттого что она слишком органично вписывалась в преобладавшую тогда тональность, была слишком предугадываемой по своим главным мотивам.

Для американской поэзии то было время сплошных исповеданий; определилось целое исповедальное направление во главе с теми же Беррименом и Лоуэллом. После холодной бесстрастности и какого-то возведенного в принцип объективизма, господствовавшего на протяжении десятилетий, когда все индивидуальное старательно изгонялось, чтобы достичь абсолютной непредвзятости поэтического свидетельства, подобный автобиографизм стал естественной ответной реакцией. Он помогал вернуть в поэзию неподдельность переживаний, неповторимость человеческого опыта.

Но он стал и своего рода модой, обязательным знаком причастности к новейшему веянию. И вот парадокс: чем полнее раскрывался перед читателем сокровенный мир поэта, тем труднее оказывалось уверовать, что эти чувства на самом деле нелитературны, а эти потрясения действительно были фактом биографии. Потому что сама воссоздаваемая хроника душевной жизни заключала в себе уж очень много типового, заранее известного, характеризующего не столько личность, сколько знакомую ситуацию противостояния одинокого художника самодовольному и равнодушному «молчаливому большинству», среди которого он принужден обитать.

То, что было открытием в лоуэлловских «Страницах жизни» и потом у Берримена в «Песнях-фантазиях», на глазах становилось в лучшем случае безотказно работающим литературным приемом, а то и попросту штампом. Снодграсс это заметил раньше многих. Уже в год своего триумфа, отвечая интервьюеру журнала «Партизен ревью», он говорил, что поэзия иссякнет, как только поэта перестанет тревожить главный вопрос: «Действительно ли я выразил то, что думаю?» И пояснял, что «единственная реальность, которую мы способны по-настоящему постичь, — это мы сами, такие, как есть, хотим мы того или нет; а понять себя возможно, лишь проникнув во все взаимоотношения, связывающие нас с миром, который вокруг».

Собственно, все его последующее творчество — это как раз попытка подобного проникновения в окружающий мир с его многосложными связями, которые формируют личность.

Суть не в том, как такая установка сказалась на тематике Снодграсса, хотя, читая «Избранное», перемены чувствуешь и тут, особенно в стихах последнего десятилетия. Несколько лет назад создан цикл «Бункер фюрера», серия воображаемых монологов

лиц из ближайшего окружения Гитлера, которые в майские дни 1945 года сводят счеты с жизнью, не оправдавшей их ожиданий. Для давних почитателей Снодграсса этот цикл, вероятно, явился неожиданностью — едва ли предполагалось, что поэт, всегда чуждавшийся публицистики, прибегнет к такой графической резкости образов, создавая картины исступленного безумия, ставшего расплатой за злодеяния. Кажется, впервые выявилось, что для Снодграсса война — не просто факт, зафиксированный хроникой нашего века, а частица собственного опыта. И быть может, даже самое главное из всего, что выпало испытать.

Впрочем, это, конечно, поэзия, говорящая не столько о войне и фашизме, сколько философски обобщенная, касающаяся тех чудовищных деформаций, которым фашизм подвергает само человеческое естество, вытравляя в нем все, кроме воспаленной ненависти и фанатичной одержимости идеей, пусть потерпевшей банкротство и преступной изначально. Страшные ритуальные жертвоприношения, о которых мы читаем в монологе Магды Геббельс, — это для нее самой нечто наподобие вызова судьбе и жеста непримиренности, но существеннее субъективных резонов та логика, которая движет представителями нацистской элиты в их последние часы, их представление о достойном финале, их органическая неспособность признать ложность собственных принципов, хотя катастрофа стала очевидной.

XX век явил множество примеров, во что способна превратить человека маниакальная догма, которая растворяет его в себе без остатка, подавив любые нравственные непреложности и замещая собой первичные основы людских отношений. Вот об этом и написал Снодграсс, предпослав своему циклу эпиграф из речи Геббельса: «Даже если мы проиграем эту войну, мы ее все равно выиграем, потому что наш дух проникнет в сознание наших врагов». Никому не дано знать, действительно ли нацистские главари уходили из жизни с этой верой. Но более чем достаточно свидетельств, что для нее были свои основания.

К таким свидетельствам Снодграсс внимателен, как мало кто в современной американской поэзии. Видимо, это и делает его творчество таким злободневным при всей его несколько подчеркнутой архаичности. Приверженность актуальному стала отличительным качеством поэзии Снодграсса лишь в последние годы и выражена все-таки не столько тематикой, сколько характером восприятия — природы, человека, универсума. Актуальность неподдельна, но она не на поверхности.

Как раз по первому впечатлению Снодграсс очень далек от злобы дня. Это чувствуется даже в его творческой консервативности. Он по-прежнему сохраняет верность правильному рифмованному стиху, часто прибегает к парафразам из классиков от Джона Донна до Роберта Фроста, не боится реминисценций, как и упреков во вторичности. Его влечет вышедшее из моды, но оставшееся для самого поэта прекрасным — оттого стихотворение «Раздача имущества» обладает для Снодграсса принципиальным значением, хотя может показаться всего лишь ироничной картинкой нравов.

В этой чуть вызывающей старомодности понятий о бытии, которое для Снодграсса всегда сохраняет в себе и смысл, и правду, и закон, каким бы хаотичным мельтешением ни выглядели невзрачные будни, — его кровное родство с традицией. Конкретно — с той, которая почитает поэзию неспешным серьезным размышлением над жизнью, всегда питавшим англоязычную медитативную лирику с ее сюжетами, не притязающими на оригинальность, с ее вниманием к обыденному, невыразительному, неброскому, но за своей ординарностью скрывающему некую согласованность начал, некую норму, противостоящую суетности и безмыслию, цинизму и апатии. «Конечно, мир обязан быть разумным», — это сказано Снодграссом с долей иронии и вряд ли в наш век может быть сказано иначе. Но ирония не уничтожает исходной посылки.

Часто пишут, что Снодграсс — поэт, имеющий смелость идти против течения. В каком-то смысле это действительно так: ни самоценной сложности, ни страсти к эксперименту. Стихи Снодграсса кажутся простыми, его метафоры — прозрачными, как, например, образ сада в стихотворении «Старые яблони». Но эта прозрачность — итог тщательной работы, когда взвешен и точен любой оттенок. А простота — только напоминание о неисчерпаемой сложности коллизий, над которыми Снодграсс заставляет думать своего читателя, раз за разом обнаруживающего, что, описывая старый сад или университетский поселок, автор на самом деле побудил размышлять о том, для чего мы существуем на земле.

А. ЗВЕРЕВ

Магда Геббельс

*30 апреля 1945 года
после того, как доктор Хаазе
сделал ее детям уколы морфия,
Магда дала каждому ребенку
цианистого калия из ложечки.*

Такой укол для малышей —
Как для солдат в аду траншей,
Где честной гибели страшной
Спасенья подлый страх.
А эта ложка для питья,
Она тогда нужна, дитя,
Когда кошмарней небытья
Быть у врага в руках.

Свернувшись крохотным клубком,
Заснешь ты безмятежным сном,
С опасностями незнаком,
Не для тебя они.
Теперь ты можешь отдохнуть,
Не потревоженный ничуть,
Как спал в мою уткнувшись грудь,
Так сызнава засни.

Ты видишь: острая игла
В шприц все, что надо, набрала,
Не покориться силам зла
Тебе поможет врач.
Как нянька, я в тиши ночной
Страдала за тебя душой.
Мой мальчик, ты уже большой,
Не бойся и не плачь.

Мощь в ампуле заключена,
По жилам потечет она,
Чтобы в объятьях сладких сна
Ты стал непобедим.
И этот крохотный укол
Позволит встать наперекор
Твоей судьбе и дать отпор
Сомнениям любим.

Таблетку в ложке раздавлю
И волю детскую твою
Я закалю и укреплю,
Чтоб жадность, ложь и грех
Тебе не предъявили счет.
По жилам зелье потечет,
От подлости уберезет,
От компромиссов всех.

В той сыворотке сила есть,
Ты все сумеешь с нею снести
И совесть сохранишь и честь,
    И веру сохранишь.
Отведай снадобье. Ты с ним
Останешься неколебим,
Кристалльно чист и мной любим,
    Мой мальчик, мой малыш.

Ты ротик сжал, скорей раскрой!
Вот это ложка, птенчик мой,
С твоей последнею едой.
    И это не каприз.
Ты должен выпить и понять,
Что лишь твои отец и мать
Вождя сумели не предать,
    Когда все отреклись.

Когда безумствовал испуг
И все преобразилось вдруг
И недругом стал прежний друг,
    Изменой обуян,
А вождь со шлюхой заперся,
Сквозь дверь сказав: к нему нельзя...
И я рыдала, голося,
    Но принял он циан.

Мой милый, шире рот раскрой,
Все звуки отомрут с тобой
И глас вождя средь гробовой
    Услышишь тишины.
Чтоб сделать первый в жизни вздох,
Ты получил от нас шлепок...
Но «Аз воздам» — сказал нам Бог,
    И мы обречены.

Ты слушало меня, дитя,
Как наша нация — вождя.
Он твердым был, ее ведя
    На муки и на смерть.
Ты станешь чище образца,
Фронтовика и храбреца,
В снегах который до конца
    Сумел все претерпеть.

Не думай о своей судьбе
И о непройденной тропе,
Ты словно памятник себе,
    Ты весь восторг, порыв,
Ты словно в горельефе фриз,
Где в братстве храбрецы сошлись,
Которых вождь наш поднял ввысь,
    Бессмертьем одарив.

Руки кормящей не укусишь,
Не испугаешься, не струсилшь,
Отступничества не допустишь,
    Мой мальчик, никогда.
В своей постельке, как в святыне,
Непобедимее твердыни
Ты будешь, и тебе отныне
    Не причинят вреда.

1977

Раздача имущества

То длинное платье для бала —
Она не была на балах —
Подруга на собственный страх
Себе забирает, бедняжка, —
Где наша, мол, не пропадала!..

Мы складываем на места
Все ложки и вилки без цели,
Как акции, что прогорели.
В комодке ночная рубашка,
Как девственница чиста.

Что делать с вещами — неясно.
Ведь нет среди нас бедняков,
Охочих до этих обнов.
Без страсти, потери, невзгоды,
Как бальные туфли в атласном

Футляре она улеглась,
К Создателю их мы отправим.
Ведь жизнь мы транжирить не вправе,
Пускай она вышла из моды,
Но все же прекрасна для нас.

1970

Любовники запускают змея

Что наши любовники? Змея
Пустили они в небеса.
Лохмотьями пламеня,
Он в синеву поднялся.

Он бьется, точно мустанг,
Как на крючке — сом,
От них уносится так,
Что следом бегут бегом.

Рубахи рвут для хвоста,
Чтобы летел ровнее.
Вихляет змей, высота
Не привлекает змея.

Тряпичного мотылька
Неужто крах неминуем?
Рассыплется наверняка?
А вдруг взмоет вновь с поцелуем?

Он дергает, словно скат,
Что из глубин извлечен,
Синее небо рад
Обследовать нынче он.

А может, змей словно зонд
Их сердечной погоды
И верит: им повезет
Среди горького года.

Ведь в воздухе — как на грех! —
Столько любви и злости.
Упреки на ветках всех
Остры, все равно что кости.

Смешно? Но увы и ах —
Можно одним утешаться,
Что на таких пустяках
Дано любви удержаться.

1967

Университет на холме

Вверх по почтенным аллеям между древних деревьев
Шествуют отпрыски нуворишей; часы
С Башни им благословенье льют:
«Мы разлюбили вас и ваш дом,
Мы больше играть вам не будем».
Мой дом как раз стоит напротив
На другом холме среди садов, лугов;
Олени подходят к самым дверям,
Но ты их даже ясным утром не увидишь.
Белые птицы повисли между холмами,
Над домами и грязной землей,
Воспаряют высоко, снижаются низко,
Словно снег, сеющийся на городишко,
Словно капельки в стеклянном шаре.
Но в это утро, за мирным пейзажем,
За птицами, за домами бедных,
За рынком с лавками, за мертвым каналом, за всхолмьем,

Врывается Завтра в Сегодня:
Беспорядки в Алжире, в Алабаме, на Кипре;
Карги-империи пребывают в упадке,
Молчаливый Китай растет, как улика.
Что в это утро скажу молодежи?
Что спасенье в разуме и в грамматике?
Но белая молодежь к мятежу не склонна,
Хотя и ворчит, но так обленилась,
Что квакеры бы заматерились. Всегда,
Господи, всегда она несет
Свою божественность без труда.
На своем холме, на своей высоте
Говорит: «С холма путь только вниз,
А наша цель — оставаться на месте».
Конечно, мир обязан быть разумным;

Часы глядят, как в мир идет беда,
Но ничего не скажут никогда.

1959

Старые яблони

Стоят в саду, как работяги, траченные жизнью,
Как пьяные легионеры, что, шатаясь,
Честь отдают. И каждая на свой манер
Качается. Их форма еле пригнана, морщит,
Топорщится. Тут — нет руки,
Там — дождь и гниль разъели сердцевину.
Те — слишком высоки, а эти — толсты. Все что-то слишком,
Как у людей от верстаков, станков,
Столов, мешков или утрат.
Изведав власть истории и непогоды,
Они росли среди камней, навстречу вихрям и болезням,
Так долго, что меняться поздно.

Я мог бы их бульдозером снести,
Декоративных саженцев натывать.
Тут был бы модный пригород; как руки
Джазиста, поднялись бы деревца
С прямыми идеальными стволами —
Мечта изготовителя реклам.
Мы б завладели парком, где деревья
Все на один пошиб. Они бы
Неотличимы были,
Как сыновья чинуш.

Сухие ветки надо

Подрезать, а еще замазать дыры,
Где начинает гнить. И хорошо бы
Найти дупло, где обитают белки,
И услышать новошотландскую сову.
Весной деревья хороши. А пчелы
Жужжат, как молодые мысли. Лепестки
Как снег усеют землю; воздух сочен;
Никто сюда не явится без дела,
Никто без исповеди не уйдет отсюда.
Всю осень ветки тяжелы от яблок;
Они висят здесь красные, как свечи,
И ожидают снега.

Поедем нынче в злачные места,
В мадьярскую пивную, в польский клуб,
В «Элладу» есть новорожденного барашка
И пить вино, и посылать танцорам,
Что режут пляски, словно мясники,
И пляски сохраняют древность формы.
Вдруг встретим там знакомую торговку
Каштанами, ее беззубый рот
Пятнадцатью наречьями плюется.
Она вращается посередине зала
И медленно и смачно матерится.
Мы будем хлопать, топать, сатанеть
И освистаем танец живота.

Тупые, пьяные, вернемся на заре
И в серой мгле увидим наш цветущий
Сад; его корявые стволы поддерживают ветки,
Как старики из Фив или старейшины Колона,
Трясут седыми гривами и шепчут,
Мол, скоро каждого из нас
Уволокут под землю,
Которая, корежа нас, тащила вверх.
Мы выросли не теми, кем желали.
И не увидеть никому из нас
Осуществления своей мечты.
О, как мы далеки от идеала,
Однако нам хотелось выжить.

1977

Об авторах

УИЛЬЯМ ДЬЮИТ СНОДГРАСС (WILLIAM DEWITT SNODGRASS; род. в 1926 г.) — американский поэт. Автор сборников стихов «Игла в сердце» (*“Heart’s Needle”*, 1959), «После опыта» (*“After Experience”*, 1967), «Бункер фюрера» (*“The Fuehrer Bunker”*, 1977) и др.

По-русски отдельные его стихотворения печатались в *«Иностранной литературе»* (1966, № 9) и в антологии *«Современная американская поэзия»* (М., 1975).

Публикуемые переводы выполнены по изданию: У. Д. Снодграсс. *«Избранное. 1957—1987»* (W. D. Snodgrass. *Selected Poems. 1957—1987*. New York, Soho Press, 1987).

КОРНИЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (род. в 1928 г.) — советский поэт и переводчик. Автор сборников стихов «Пристань» (1954), «Возраст» (1967), «Надежда» (1988), «Музыка для себя» (1988), «Польза впечатлений» (1989). Переводил стихи Б. Брехта, В. Незвала, Ц. Норвида, В. Броневского, Аттилы Йожефа, П. Негоша, Д. Левертов и др.